

УДК 316

**СПЕЦИФИЧЕСКИЕ ЧЕРТЫ
ФОРМИРОВАНИЯ
ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ СРЕД
В КОНТЕКСТЕ
РАЗВИТИЯ
ИННОВАЦИОННОЙ
СИСТЕМЫ РОССИИ**

**THE SPECIFIC FEATURES
OF FORMATION
OF THE INTELLECTUAL
ENVIRONMENT
IN THE CONTEXT
OF RUSSIAN INNOVATION
SYSTEM DEVELOPMENT**

Шулятьев Евгений Евгеньевич

Соискатель Адыгейского
государственного университета, г. Майкоп
e-mail: sh-evgeniy@mail.ru

Shulyat'ev Evgeniy E.

Applicant, Adygei
State University, Maikop
e-mail: sh-evgeniy@mail.ru

В статье показаны специфические черты формирования интеллектуальных сред в контексте развития инновационной системы России: низкая динамика инновационно ориентированных «точек роста», модель социальной консервации, сырьевой характер экономики, наличие оставшегося от советской эпохи интеллектуального капитала, настроенность общества на интеллектуальный тип развития, адекватный инновационной модернизации.

The article describes the specific features of the formation of the intellectual environment in the context of development of Russian innovation system: low dynamics of innovation-oriented "growth points", the model of social preservation, raw nature of the economy, the presence of Soviet-era intellectual capital, the aiming of the society for the adequate to the innovative modernization intellectual type of development.

Ключевые слова: интеллектуальные среды, инновационная система, интеллектуальный капитал, инновационная модернизация, экономика.

Keywords: intellectual environment, innovation system, intellectual capital, innovative modernization of the economy.

Вызовы начала XXI столетия с необходимостью требуют от России, которая отстает в своем развитии от развитых стран мира, перехода

к инновационной экономике, к новой индустриализации. «Как представляется, – пишет А. Селезнев, – сейчас нет необходимости доказывать очевидное отставание нашей пореформенной экономики от уровня индустриально развитых стран мира. И, стало быть, у нашей страны ныне объективно нет иного способа преодолеть свое технологическое отставание и технологическую зависимость, кроме проведения политики высокотехнологичной индустриализации, адекватной вызовам времени и сложившейся исторической ситуации» [1, с. 19]. Преодолеть России существующую отсталость можно только на основе новой индустриализации, что означает замещение трудоемкого производства капиталоемким на основе развития новых видов техники и технологий. Это, в свою очередь, предполагает наличие национальной инновационной системы, формирование которой невозможно без развивающихся интеллектуальных сред, необходимых для решения стратегических и тактических задач трансформации информационного социума в общество знания.

В связи с этим следует выявить специфические черты формирования интеллектуальных сред в контексте развития национальной инновационной системы России. Прежде всего, к ним относится ряд негативных факторов, присущих современной экономической системе России. Некоторые из них подробно излагаются в монографии Н.А. Кричевского «Россия сквозь санкции – к процветанию» и статье Р. Гринберга «Экономика современной России: состояние, вызовы, перспективы»: это, во-первых, существующие процессы примитивизации производства, деинтеллектуализации труда и деградация социальной сферы; во-вторых, низкая динамика инновационно ориентированных «точек роста»; в-третьих, модель социальной консервации; в-четвертых, сырьевой характер экономики [2, 3]. Именно эти факторы препятствуют эффективному использованию такого мощного инструментария, как обладающие колоссальным инновационным потенциалом интеллектуальные среды, чтобы задействовать имеющиеся интеллектуальные, инфраструктурные и финансовые резервы для «запуска» импортозамещения или процесса новой индустриализации со всеми вытекающими последствиями. Преодоление этих факторов, согласно Н.А. Кричевскому, дает России уникальный шанс трансформироваться в высокотехнологичную державу. «Моя страна, – пишет он, – оказалась в уникальной исторической ситуации, когда благодаря умелым точечным решениям руководства, компетентному, а в некоторых случаях – интуитивному управлению экономикой, пониманию необходимости и готовности к изменениям в социуме мы можем в относительно короткие сроки переформати-

ровать наше национальное хозяйство, пересев с затрапезного товарняка на высокотехнологичный экспресс» [2, с. 5–6]. Теперь более подробно рассмотрим перечисленные негативные факторы экономики, которые препятствуют России стать высокотехнологичной державой, трансформироваться в динамичное общество знания.

Теперь рассмотрим негативное влияние существующих процессов примитивизации производства, деинтеллектуализации труда и деградации социальной сферы. Подробный анализ этих процессов осуществлен Р. Гринбергом, который сделал существенные выводы о том, что, во-первых, в современной России результаты преобразований с отрицательным знаком доминируют над достижениями, прежде всего, не приостановлены процессы примитивизации производства, деинтеллектуализация трудовой деятельности и деградация социальной сферы; во-вторых, за годы реформ Россия потеряла 50 % своего экономического потенциала; в-третьих, Россия по социально-экономическим стандартам отделилась от таковых развитых стран и приблизилась к средним показателям типичной страны третьего мира при огромной поляризации личных доходов, что связано со «специфическими неблагоприятными стартовыми условиями» [3, с. 14]. Все дело заключается в том, что Россия проводит системные реформы в соответствии с либерально-монетарной моделью так называемого Вашингтонского консенсуса, которой в чистом виде не следует ни одна страна в мире (сейчас она признана видными американскими экономистами, в том числе лауреатом Нобелевской премии в области экономики Дж. Стиглицем, неадекватной реальности, что рельефно выявил глобальный финансово-экономический кризис 2008–2009 гг.).

Приводимые Р. Гринбергом социально-экономические показатели за четверть столетия (по сравнению с 1990 г.) показывают значительное уменьшение уровня промышленного и сельскохозяйственного производства, инвестиций в экономику и реальных доходов населения. «В условиях же благоприятной рыночной конъюнктуры на мировом рынке на нефть, газ и другое сырье в последующие годы, называемые “тучными” (2000–2008 гг.), указанные показатели к уровню 1990 г. достигли 83–84, 68, 83 % соответственно. После провозглашенного Правительством Российской Федерации выхода из кризиса 2008–2009 гг. в 2010 г. промышленное производство составило к уровню 1990 г. 79,5 %; сельскохозяйственное производство – 75,7; инвестиции – 62,4; реальные денежные доходы населения – 90,3 %. В 2013 г. эти индикаторы оценивались в 86,7; 94,1; 73,7; 98,9 % соответственно. К 2015 г. “достижения”, по прогнозу Минэкономразвития России, ожидаются в размере 89,0;

98,4; 73,6; 99,8 % соответственно» [3, с. 16]. В соответствии с четвертьвековым «падением» важнейших экономических индикаторов происходили физическое и моральное старение основных производственных фондов, в том числе техники и технологий, снижение параметров человеческого потенциала, уменьшение занятого научными исследованиями, разработками персонала.

Вторым не очень-то позитивным (малоспособствующим) фактором функционирующей экономической системы России является достаточно низкий уровень динамики инновационно ориентированных «точек роста». В ряде стран (Россия, Бразилия, Вьетнам, Индия, Китай, Польша, Турция, Чехия, Южная Корея и др.), отмечает Н.А. Кричевский, власти целенаправленно организовали территории наибольшего благоприятствования для инновационной предпринимательской деятельности – «точки роста», или особые экономические зоны (ОЭЗ). В России было создано 28 таких «точек роста»: шесть промышленно-производственного типа (Татарстан, Липецкая, Самарская, Свердловская, Псковская и Калужская области), пять технико-внедренческого типа (Москва, Санкт-Петербург, Томск, Дубна и Татарстан), четырнадцать туристско-рекреационного типа (Алтай и Бурятия, Алтайский, Ставропольский и Приморский края, Иркутская область, кластер «Курорты Северного Кавказа»), три портовые (Ульяновская и Мурманская области, Хабаровский край). К «точкам роста» промышленного типа здесь относится всего одиннадцать ОЭЗ, что представляет собою каплю в экономическом море России.

«К декабрю 2013 года во всех российских ОЭЗ зарегистрировано аж 383 резидента, а “общий объем запланированных инвестиций”, обращаю внимание на слово “запланированных”, – отмечает Н.А. Кричевский, – составил более 12 млрд долл.» [3, с. 63]. Понятно, что все эти «точки роста» предпринимательства инновационного типа имеют преференции в налоговом плане, кроме того, технико-внедренческие и туристско-рекреационные ОЭЗ, интегрированные в кластер, не платят налог на имущество, прибыль, транспорт, землю. В России удельный вес промышленности не очень велик – всего 36 % по сравнению с 60,1 % сферы услуг и 3,9 % аграрного сектора в 2012 г. Это означает, что в России во главе угла не стоит опережающее развитие внутренней промышленности, в ней мало уделяется внимание прорывным достижениям в производительности труда [3, с. 70–71]. Только в 2014 г. после введения экономических санкций Западом против России высшая власть обратила внимание на инновационные, прорывные технологии, особенно в оборонно-промышленном комплексе.

Третьим тормозящим фактором формирования и развития национальной инновационной системы России является модель социальной консервации, а не модель экономического прорыва. Россия и другие страны (Бразилия, Мексика и ЮАР), где доминирует модель социальной консервации, характеризуются относительно невысокими темпами среднегодового экономического роста в 2000–2012 годах (от 2,2 до 4 %), низким уровнем инфляции, безработицы, государственного долга и показателей валового сбережения.

Четвертым негативным фактором выступает сырьевой характер экономики, когда не происходит диверсификация экономики, когда не стимулируется переход к наукоёмкой, высокотехнологичной экономике. Существует взаимосвязь сырьевого характера экономики и модели социальной консервации (хотя данная корреляция не всегда выполняется). «Экономики практически всех стран модели социальной консервации, – пишет Н.А. Кричевский, – на протяжении многих лет были и остаются по преимуществу сырьевыми и экспортно ориентированными: в России и Мексике основные экспортные товары – нефть и газ, а в Бразилии – кроме нефти, железная руда, продовольствие и сырье для пищевой промышленности (кофе, мясо, сахар, соя). Еще один момент – внутренние рынки всех трех стран заполнил потребительский импорт (пусть в Бразилии и в меньшей степени)» [3, с. 72]. Все эти перечисленные негативные факторы тормозят формирование и развитие национальной инновационной системы России, замедляют темпы экономического развития и способствуют инерционному увеличению социальных обязательств, что уменьшает ресурсы, необходимые для функционирования интеллектуальных сред и, соответственно, для инновационной модернизации страны.

Все эти негативные факторы, тормозящие превращение России в высокотехнологичную державу и созидание ноосферной экономики, вызваны следующими деструктивными процессами, свойственными политике либеральных реформ, которая продолжается, согласно М. Делягину, до сих пор и направлена на уничтожение России «в интересах глобального бизнеса» [4, с. 344]. Во-первых, следует иметь в виду то существенное обстоятельство, что за четверть века либеральных реформ произошла значительная деструкция высокотехнологического сектора отечественной промышленности (авиационной, радиоэлектронной, ракетно-космической, оборонной отраслей и отрасли средств связи) и его ядра – машиностроения, на которое в развитых странах приходится 30–50 % всего промышленного производства, в России его заменил сырьевой сектор [3, с. 16]. Во-вторых, ключевым процессом отече-

ственной экономики стала деиндустриализация, в результате которой выпал такой инвестиционно-инновационный, высокотехнологичный и наукоёмкий воспроизводственный комплекс, как машиностроительный. Сейчас в структуре промышленного производства приходится всего 14,6 % на машиностроительный комплекс, что в 3–4 раза меньше, чем в развитых странах, причем немаловажными являются факт выпадения этого комплекса из цепочки добавленной стоимости и связанное с этим отставание страны в темпах научно-технологического прогресса [5, с. 3]. В-третьих, произошла миграция значительной части ученых и научных сотрудников за рубеж – в Соединенные Штаты Америки, Германию и другие страны Запада, что привело к разрушению в немалой степени интеллектуальных сетей, благодаря которым происходит трансляция полученных интеллектуальных результатов научными школами на площадке отечественной науки. «Важнейшая проблема современной российской науки, – подчеркивает А. Механик, – состоит в том, что эта площадка была в значительной мере разрушена, а вместе с ней разрушены многие школы и ритуалы» [6, с. 43–44]. В-четвертых, разрушена существовавшая в Советском Союзе схема трансляции полученных в фундаментальных исследованиях теоретических результатов прикладным институтам, где создавались опытные образцы, которые затем передавались к внедрению в производство. Теперь эта схема существует в виртуальном состоянии как представление о правильной организации взаимодействия фундаментальной, прикладной науки и отраслей промышленности [6, с. 44]. В-пятых, в ходе экономических реформ произошло значительное разрежение интеллектуальной коммуникативной среды отечественной науки, она еще существует в Академии наук. Это повлекло за собой падение не только значимости науки, но и престижа культуры, что привело к практическому отсутствию культурного человека в информационном пространстве России [6, с. 44], что сказывается на формировании интеллектуальных сред.

Наряду с этими негативными имеются и позитивные факторы, которые способствуют формированию интеллектуальных сред. Первым из них является наличие оставшегося от советской эпохи интеллектуального капитала. В данном случае необходимо иметь в виду тот эмпирический факт, что структура экономики современной России является идентичной позднесоветской. «Отсюда, – отмечает Н.А. Кричевский, – наличие прежних рисков, в случае реализации которых российскую экономику, скорее всего, будет ждать огосударствление, директивное ценообразование, жесткий контроль над предпринимательским сообществом, словом, откат назад. В то же время история знает немало приме-

ров твердых решительных действий иностранных государственных лидеров в сложных социально-экономических ситуациях» [2, с. 7]. Такой вариант вполне возможен, хотя это не означает откат к советской экономической системе с её жестким, директивным планированием.

Сейчас сложилась такая объективная ситуация в экономике России, что необходимо будет переходить к иной, инновационной социально-экономической модели развития – модели новой индустриализации, в которой будут использоваться, по выражению В.В. Путина, элементы планирования. Такой подход вполне совпадает с мировой тенденцией программирования развития информационного социума и следующего за ним общества знания. Выше уже подчеркивалась значимость программного обеспечения нашей жизни, когда вся планета станет «разумной», что лежит в русле развития новейших информационно-коммуникационных технологий, прежде всего Интернета. Речь идет о таких основных аспектах разумных преобразований, как развитие разумных индустриальных решений на основе опыта и экспертизы IBM и построение разумных инфраструктурных решений, которые позволяют обеспечивать поддержание основных бизнес-задач благодаря применению разумных технологий [7].

Именно программирование динамично развивающегося и трансформирующегося информационного социума в общество знания свидетельствует о том, что «у России, по существу, нет другой возможности для перехода к инновационному развитию, кроме как использовать в качестве стартовой основы тот интеллектуальный капитал, который ещё сохранился как задел советской эпохи (так же, как в СССР в первые десятилетия его существования использовались интеллектуальные, культурные и даже институционально-организационные ресурсы, унаследованные от старого режима, а многие задуманные еще до революции проекты осуществлялись в новом идеологическом оформлении и подавались как исключительная заслуга большевиков)» [8, с. 326]. Необходимо иметь в виду, что современная Россия до сих пор пользуется тем интеллектуальным капиталом, который был накоплен в Советском Союзе, обеспечивая тем самым дальнейшее инновационное развитие страны и обеспечивая её безопасность.

Другим позитивным фактором формирования интеллектуальных сред как движущей силы инновационного развития России является настроенность общества на интеллектуальный тип развития, адекватный инновационной модернизации. На основании данных мониторинговых исследований состояния российского общества, которые проводились в 1990-х гг. Российским независимым институтом социальных и

национальных проблем, а затем Институтом социологии РАН, в отечественной социологии делается значимый вывод о том, что «российское общество твёрдо настроено на *интеллектуальный тип* развития и соответствующий этому вариант модернизации», что уже с середины 1990-х гг., хотя и в неполной степени, восстановились «многие ценностные ориентации советского “общества образования”, поколебленные было “рыночным угаром” периода радикальных реформ» [8].

Действительно, данные ряда специализированных исследований свидетельствуют о трансформации интеллектуальных сред в процессе смены поколений. В советское время интеллектуальные среды консолидировались посредством освоения каждым поколением научной, технической и творческой интеллигенции текстов «большой культуры». Благодаря такого рода «культурной инициации» входящие в интеллектуальную среду индивиды вырабатывали нарративный тип мышления с его строгой логикой, что позволяло создавать вполне определенный обобщенный фонд концептов и образов. Этот фонд генерализованных концептов и образов лежал в фундаменте интеллектуальных коммуникаций, которые выходили далеко за рамки сферы профессиональной деятельности. «Стихийно складывался, – отмечает А.Л. Андреев, – некоторый общий, но понемногу обновляющийся набор текстов, с которыми должен был познакомиться “каждый интеллигентный человек”. Идеологические ограничения, конечно, мешали этому, но личные связи и изобретательность часто помогали обходить этот барьер. Сегодня, похоже, данный механизм ломается. Так, если в 1970-е гг. средний московский школьник прочитывал примерно 42 книги в год, то теперь только 26. Место книги ныне занимает компьютер, которым молодежь в целом владеет лучше, чем интеллектуалы старшего поколения. Но вместе с начитанностью исчезает ряд критически важных компетенций, в первую очередь связанных с грамотностью и нарративной рациональностью» [8, с. 326]. В итоге даже учащиеся элитных учебных заведений в массе своей оказались неспособны логично и ясно излагать свои мысли, что влечет за собой еще просчитанные социальные последствия. В этом плане представляет немалый интерес предпринимаемые Правительством России усилия по возрождению интереса молодого поколения к чтению, примером чего служит книжный фестиваль «Книжная Россия», организованный 25–28 июня 2015 г. на Красной площади, по восстановлению очагов культуры на селе, увеличению финансирования библиотек и музеев.

Следует отметить, что современная учащаяся молодежь в общем и целом не отвергает принципа «надо больше читать», однако осуществ-

ление этого принципа носит несистематизированный характер. Поэтому сейчас, отмечает А.Л. Андреев, в России прекратилось обвальное падение общекультурных компетенций, о чем свидетельствуют соответствующие индикаторы: «Отдельные индикаторы по сравнению с 2002 и 2006 гг. даже несколько выросли, хотя и не очень значительно (так, на вопрос о том, кто такой В.И. Вернадский, в 2002 г. правильно ответили 49 % студентов, а в 2013 г. – 60,5 %; историка В.О. Ключевского правильно идентифицировали соответственно 37,5 и 43 %; знаменитого математика А.Н. Колмогорова – 27,5 и более 38 %). В этом отношении ситуация стабилизировалась, хотя и на более низком уровне» [8, с. 327]. Если в советское время эрудиция, глубокое понимание отечественной и мировой литературы, интерес к искусству, литературе и философии считались хорошим тоном в среде естественно-научной и технической интеллигенции, то сегодня ситуация иная, так как на смену приходят иные социально-психологические типы. «Судя по данным диагностических опросов студентов ведущих московских вузов, проводившихся с середины 1990-х гг. лабораторией социологических исследований НИУ МЭИ, только 10–12 % этой ключевой для формирования интеллектуальных сред будущего группы склонны рассматривать культуру и культурные компетенции в качестве социально значимого интеллектуального ресурса» [8, с. 327–328]. Социальные последствия данного явления заключаются в том, что из-за сжатия общезначимого ядра культурной парадигмы происходит снижение творческого потенциала, выражающегося, прежде всего, в конструировании воображаемых миров, и способности осваивать новые типы деятельности, генерируемые динамично развивающимся обществом знания. В данном случае вполне вероятно, что значимую роль может сыграть гендерный фактор – сейчас девушки заполняют аудитории вузов, начинается массовое поступление молодых женщин в военные вузы, они традиционно выступают в качестве хранителей культуры как формы нематериального капитала.

Литература

1. Селезнев А. Есть ли альтернатива парадигме новой индустриализации? // Экономист. 2014. № 8. С. 19–27.
2. Кричевский Н.А. Россия сквозь санкции – к процветанию. М., 2015. 216 с.
3. Гринберг Р. Экономика современной России: состояние, вызовы, перспективы // Проблемы теории и практики управления. 2014. № 11. С. 13–24.
4. Делягин М. Россия перед лицом ис-

References

1. Seleznev A. Est li alternativa paradigme novoy industrializatsii? // Ekonomist. 2014. № 8. S. 19–27.
2. Krichevskiy N.A. Rossiya skvoz sanktsii – k protsvetaniyu. M., 2015. 216 s.
3. Grinberg R. Ekonomika sovremennoy Rossii: sostoyanie, vyizovy, perspektivy // Problemyi teorii i praktiki upravleniya. 2014. № 11. S. 13–24.
4. Delyagin M. Rossiya pered litsom isto-

тории: конец эпохи национального предательства? М., 2015. 384 с.

5. *Нешиной А.* Неиндустриализация как основа возрождения промышленного потенциала // *Экономист*. 2014. № 10. С. 3–9.

6. *Механик А.* Престиж могущества и наука // *Эксперт*. 2015. № 28. 6–12 июля. С. 42–46.

7. *Алтухов Л.* Разумные решения для разумных перемен // *Иновации в технологиях и бизнесе*. 2010. Вып. 2. С. 3.

8. *Андреев А.Л.* Интеллектуальные среды: концептуальная перспектива глазами социолога // *Вестник Российской академии наук*. 2015. Т. 85, № 4. С. 20–27.

rii: konets epohi natsionalnogo predatelstva? М., 2015. 384 s.

5. *Neshitoy A.* Neindustrializatsiya kak osnova vozrozhdeniya promyshlennogo potentsiala // *Ekonomist*. 2014. № 10. S. 3–9.

6. *Mehanik A.* Prestizh moguschestva i nauka // *Ekspert*. 2015. №28. 6–12 iyulya. S. 42–46.

7. *Altuhov L.* Razumnyie resheniya dlya razumnyih peremen // *Innovatsii v tehnologiyah i biznese*. 2010. Vyip. 2. S. 3.

8. *Andreev A.L.* Intellektualnyie sredyi: kontseptualnaya perspektiva glazami sotsiologa // *Vestnik Rossiyskoy akademii nauk*. 2015. T. 85, № 4. S. 20–27.